

Благодарности

Когда я был аспирантом Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе и только приступил к этому исследованию, у меня сложилось впечатление, что я смогу охватить весь XX век и что нехватка доступных материалов означает, что решение о том, что войдет в исследование, а что — нет, уже приняли за меня. Мне нужно было завершить диссертацию, так что мой научный руководитель признался, что сначала, когда я предложил эту тему, он думал, что ее не получится довести до конца. Я бесконечно благодарен ему за терпение и мудрость, он дал мне возможность самостоятельно найти ответ на этот вопрос. По итогам работы, проведенной за эти годы, думаю, можно с уверенностью сказать, что мы оба оказались неправы. Китайская научная фантастика сформировала отдельную область, где ученые проводят исследования и переводят их с головокружительной скоростью. Эта работа еще больше расширяет область китайской научной фантастики, исследуя ее связь с собственной литературной традицией Китая и с научной фантастикой как глобальным явлением.

Я хотел бы поблагодарить Университет Северной Каролины и Калифорнийский университет Лос-Анджелеса за поддержку этого исследования с самого начала и до момента публикации. Особенно мне помогли командировки и финансирование научных исследований от Университета Северной Каролины, благодаря которым я смог работать в библиотеках Пекина и Шанхая, а также стипендия Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе на год защиты диссертации и стипендия ассистента преподавателя. Я многим обязан Теодору Хутерсу, Дэвиду Шабергу, Джеку Чену, Шумэй Ши, Андреа Голдман и Роберту Чи за их наставничество во время моего обучения в аспирантуре. Также

я в большом долгу перед Паолой Айовин за ее тщательный анализ диссертации, который сыграл большую роль в доработке рукописи. Я благодарен Карлосу Рохасу, Андреа Бахнер, Крису Хэмму и Эйлен Чоу за наставничество и поддержку, особенно за то, что они представили и переработали различные версии пятой главы в Университете Дьюка для Оксфордского справочника по современной китайской литературе и коллоквиума «Треугольник Восточной Азии». Наставники Сун Минвэй и У Янь также внесли большой вклад и помогли мне разобраться в области китайской научной фантастики. Дженнифер Фили, Сара Уэллс и все участники дискуссии на конференции «Видения будущего: глобальное научно-фантастическое кино» 2011 года в Айова-Сити, штат Айова, убедили меня в том, что по-настоящему междисциплинарная работа стоит того, чтобы ее проводить. Также хочу выразить благодарность за поддержку и ободрение моим коллегам — выпускникам Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе: Дэвиду Халлу, Мауре Дикстра, СидарБафу Т. Саеджи, Брайану Бернاردсу, Дженнифер Т. Джонсон, Мэттью Кокрану, Эйни Кокас, Винни Чанг, Ханмо Чанг, Ма Луцзин и Макико Мори. Кроме того, я хотел бы поблагодарить Ли Гуанцзе, Жэнь Дунмэя и Цзя Лиюаня за их руководство и поддержку в Китае.

Я выражаю искреннюю признательность рецензентам моих статей и рукописи книги. Спасибо Артуру Эвансу, Паркеру Смазерсу и остальным сотрудникам издательства Wesleyan University Press за руководство, опыт и поддержку в написании и доработке.

Наконец, я хотел бы поблагодарить мою замечательную жену Каори Айзексон и наших двух детей, Кензо и Карину, за поддержку и терпение, которое они ко мне проявляли в последние годы. Мои родители, Кен и Марта, брат Тайлер и сестра Наташа, продолжайте и дальше вдохновлять меня. Эта книга посвящается им.

Введение

Колониальная современность и китайская научная фантастика

Это междисциплинарное культурологическое исследование китайской научно-популярной литературы, научной фантастики (далее НФ)¹ и ее связи с колонизацией и индустриализацией проследживает развитие жанра в Китае с периода поздней Цин до десятилетий после начала Движения за новую культуру (около 1904–1934). Китайская НФ возникла в результате межнационального обмена идеями, культурными течениями и предметами материальной культуры, произошедшего из-за присутствия колониальных держав в политических и экономических центрах Китая. В частности, я утверждаю, что в Китае начала XX века главной особенностью НФ является связь жанра с ориентализмом. Изучив исторические свидетельства о внедрении и индуст-

¹ Выбор аббревиатуры обусловлен несколькими причинами: отчасти для экономии бумаги, но также для того, чтобы отразить неоднозначность термина как в английском языке, так и в китайском. Более полное объяснение представлено далее во введении. Китайская НФ была и до сих пор остается результатом сложного обмена между Китаем, Японией и Западом (в частности, США). До сих пор основная часть научной литературы, доступной в Китае, — это переводы. Данный вопрос заслуживает отдельного углубленного изучения особенно в контексте поздней Цин и методах перевода, характерных для той эпохи. К сожалению, в этом исследовании проблема перевода и ее связь с историей китайской НФ рассматриваются лишь косвенно, во второй главе, где я обсуждаю переводы романов Ж. Верна, выполненные Лу Синем.

стриализации науки в Китае, изображения настоящих и вымышленных научно-технических изобретений, исследования, посвященные роли науки в стремлении к национальному обновлению, и ряд оригинальных произведений китайской НФ, я показал, что в 1930-е годы интеллигенты поздней Цин и республиканского периода были озадачены вопросом взаимоотношений науки, вымысла и империи. В условиях колониальной угрозы возник глубокий пессимизм в отношении судьбы Китая как нации, и этим пессимизмом пронизаны научные дискуссии и произведения в жанре НФ того времени.

Я работаю в нескольких областях, в частности, изучаю современную китайскую литературу и интеллектуальную историю, постколониальный период, жанры НФ и утопии. Китаеведов, особенно историков культуры и интеллектуальных историков, филологов, может заинтересовать мой обзор взаимоотношений между появлением НФ на китайском языке и развитием современной китайской литературы. Для исследователей жанра НФ я продемонстрирую, как наследие империи повлияло на ранее неизученную часть научной традиции, и расширю географический охват глобальных исследований НФ. Чтобы сделать этот труд более доступным для читателей, не знакомых с интеллектуальной историей Китая начала XX века и с другими продолжительными историческими процессами, я по возможности привожу биографические записи и цитаты из доступных источников на английском языке.

Это исследование проводится одновременно с другим новым исследованием, посвященным роли жанровой литературы в истории современной китайской литературы и ее связи с текущим планом нравственного и политического воспитания посредством художественной литературы. На литературной сцене Китая НФ заняла особую позицию и до сих пор удерживает ее в качестве жанра, позволяющего популяризировать научные знания, выражать переживания и надежды, связанные с модернизацией и глобализацией, критиковать социальные и исторические реалии. Одна из проблем, возникающих при попытке определить НФ как жанр — вопрос ее происхождения в Китае. Некоторые

ученые видят прототипы НФ в таких древних китайских жанрах, как фантазия и «записи о необычном» (*чжигуай*), другие утверждают, что НФ появилась в Китае только в 1930-е, 1950-е или даже в постмаоистский период. Я считаю, что НФ возникла в период поздней Цин под влиянием двух факторов: во-первых, кризиса эпистемологического сознания, вызванного полукOLONиальным подчинением Китая европейским державам и, во-вторых, империалистического представления о глобальном обмене и завоеваниях, которое привело к появлению произведений этого жанра на Западе и их переводу на китайский язык через Японию. Писатели и читатели НФ опирались на китайскую традицию фантастического письма в плане тематического содержания, заимствовали многие приемы из древних фантастических жанров. При этом в поисках концептуальных и эпистемологических основ европейской науки НФ поздней Цин нередко обращалась и к классической традиции.

В ранней китайской НФ можно увидеть глубокую тревогу из-за освободительного потенциала жанра, тесно связанного с колониальными усилиями. Поздние цинские и ранние республиканские китайские авторы неоднозначно относились к вопросу о том, могут ли идейные острия жанров, связанных с империей, обратиться против их носителей и каковы в целом последствия вступления в этот дискурс. Можно было бы предположить, что оксидентализм² — диалектическая инверсия ориентализма — возможный ответ на такой дискурс, и в данном исследовании мы рассматриваем, действительно ли это так, обнаруживая, что реакция на ориентализм, встречающийся в журналистике, политическом дискурсе, художественной литературе и изобразительном искусстве, связанном с наукой, была значительно сложнее. Ориентализм был и остается до сих пор самовоспроизводящимся процессом, он создает геополитические реалии современного

² Этот термин используют в самых разных значениях, лишь изредка имея в виду «дискурс, противоположный ориентализму», и часто для позитивного изображения Запада или представления, поддерживающего китайский национализм и подавляющего поведение, невыгодное для государства [Carrier 1995: 1–29; Chen X. 1995: 4–11; Buruma, Margalit 2004: 5–12].

мира, и при этом сам создается ими же. Как заметил Э. Саид, ориентализм порождает знания о Востоке и Западе, но зачастую это происходило одновременно с существованием политического и экономического дисбаланса, заложенного в колониальном проекте, или даже после него. Ориентализм не просто отражал реальность, а во многом определял ее [Saïd 1986: 13]. Его влияние было настолько глубоким и повсеместным, что, хотя контрдискурсы и оппозиционные идеи были возможны, вымышленные концепты превосходства Востока не могли преодолеть их контекстуальную реальность.

Политическая реальность ориентализма заметно противоречила немногим оксиденталистским вымыслам. Попытки справиться с ориентализмом и зачастую тщетные попытки создать контрдискурсы и представить альтернативные исторические траектории для китайской и азиатской истории были в центре визуальных и печатных репрезентаций науки, возникающих в Китае в этот период, но редко, даже в художественной литературе, им удавалось преодолеть реалии расширяющейся военной и экономической европейской империи. В условиях расширяющихся европейской и японской империй было трудно противостоять или преодолеть эссенциализированный дискурс Востока и Запада, а угроза национального исчезновения казалась ощутимой для многих китайских писателей. В поисках долговременных решений возник извечный вопрос о соотношении китайской и западной эпистемологии.

В общих чертах выводы данного исследования касаются главным образом того, как ориенталистский дискурс и призрак социал-дарвинизма сыграли решающую роль в интеллектуальных и популярных дискурсах о модернизации и национальных метаморфозах начала XX века. Некоторые авторы пытались создать пространство, в котором оба подхода были бы равноправны, другие отстаивали превосходство отечественных систем знания. Остальные пытались сформулировать условия, при которых инструменталистский подход к материальному миру мог бы работать в сочетании с китайской метафизической и моральной философией. Во многих случаях дихотомия современности

и традиции, Востока и Запада, цивилизации и варварства превращалась в калейдоскопический узор, в котором трудно найти долгосрочные решения.

Многие метафоры, мотивы и лингвистические проблемы, встречающиеся в рассматриваемых мною произведениях НФ, знакомы по истории современной китайской литературы. Одним из наиболее ярких образов современной китайской литературы является метафора железной камеры (*те уцзы*) Лу Синя (1881–1936) в его предисловии к произведению «Клич» («Нахань», 1923), где он описывает китайское общество:

Представь себе, что в железной камере нет ни окон, ни дверей, в камере, которую невозможно сломать, люди спят крепким сном. Их много. Они скоро погибнут, но расстаются с жизнью в забытии. Так стоит ли поднимать шум, чтобы немногие, самые чуткие, проснулись и испытали все муки неизбежного конца? [Лу 1989: 51.]

Образ интеллигента, осознающего назревающий кризис, но не имеющего возможности вмешаться, вновь появляется в истории «Новогодняя жертва» («Чжу фу», 1924), где рассказчик не в состоянии утешить несчастную вдову Сянлинь Сао³, и встречается во многих других произведениях Лу Синя. До того, как Лу Синь обратился к такому персонажу, тот был распространенным героем ранней китайской НФ, где чаще всего выступал в роли путешественника, рассматривающего аллегорические представления о Китае глазами постороннего. В этих повествованиях появляется псевдоэтнографическое отображение противостояния внутреннего и внешнего давления, с которым столкнулось китайское общество в первые десятилетия XX века. Ощущение от осознания, что заблудшее население не осознает своей неми-

³ Сянлинь Сао, дважды вдова, верит, что в загробной жизни ее разрежут пополам, чтобы покойные мужья могли разделить ее между собой. Кроме того, ее сына съел волк. В результате односельчане начинают сторониться ее. Рассказчик же видит в ее положении несправедливость и мучается оттого, что не может ее как-нибудь утешить [Лу 1989: 68–76].

нуемой гибели, а спасение для них представляется маловероятным, часто сравнивается с удушьем. Я считаю, что утопия в условиях подобного ощущения кризиса была маловероятным пространственно-временным способом репрезентации: выход за пределы железной камеры как способ фантастического письма не был характерен для ранней китайской фантастики. Иными словами, если Ф. Джеймсон и Д. Сувин пытались выявить изоморфизм между НФ и утопическим повествованием, то, по моему мнению, в эпоху поздней Цин эти жанры редко пересекались⁴. Более того, то же ощущение кризиса и безуспешной борьбы часто изображается в телесных метафорах болезни и лекарственных средств — опять же, основополагающих метафорах, связанных с Лу Синем, которые впоследствии станут одними из самых ярких образов современной китайской литературы⁵. В это же время возникает вопрос о взаимоотношении прошлого и настоящего, традиции и современности, в результате которых возникают аналогичные кризисы восприятия.

В ранней китайской НФ я выделяю прототипические версии ряда метафор, которые впоследствии стали центральными в переосмыслении культурного наследия Китая периода Четвертого мая и традиционно ассоциировались с Лу Синем, а позже стали центральными темами современной китайской литературы. Эти

⁴ Милнер не принимает того, что Джеймсон и Сувин относят утопию к НФ, но при этом утверждает, что НФ, утопия и фэнтези «занимают позиции в современном глобальном научном поле и, следовательно, вносят свой вклад в традицию отбора научной литературы» [Milner 2012: 115].

⁵ В буквальном смысле дискурс о «самоусилении» и связи между национальным здоровьем и личностью возник как вопрос физической подготовки. Лян Цичао и Ян Фу утверждали, что национальное благополучие зависит от физического воспитания. Термин «физическое воспитание» (*тиуй*), скорее всего, был заимствован из японского *тайику*, который появился в документах 1872 года, описывающих образовательную систему Мэйдзи. Как в Японии эпохи Мэйдзи, так и в Китае эпохи поздней Цин проводили параллель между национальным статусом и физической силой [Morris 2000: 877–881]. Еще два самых известных рассказа Лу Синя — «Записки сумасшедшего» и «Снадобье» — связывают политические и социальные проблемы Китая с психическими и физическими заболеваниями [Лу 1989: 52–63, 68–76].

метафорические образы уже были заметны в творчестве авторов поздней Цин и встречаются в самых первых произведениях НФ на китайском языке. Цель этого наблюдения не в том, чтобы принизить статус Лу Синя или лишить его канонического статуса отца современной китайской литературы. Напротив, я стремлюсь углубить понимание его творчества, продемонстрировав, как в нем выкристаллизовался набор уже существующих тропов, а не новых, взявшихся ниоткуда образов. К этим тропам относятся метафоры болезни и душевного здоровья как аллегии национальной силы; образ каннибализма как признака упадка общества; метафоры культурного удушья и железной камеры в литературном изображении перспектив национального спасения; обширные размышления о запутанных отношениях между интеллигенцией и простыми людьми. В поздней цинской литературе уже были распространены многие из наиболее ярких метафор периода Четвертого мая и современной китайской литературы в целом.

Этот кризис проявляется в китайской литературе метафорически — через противостояние зверей мифической традиции и современных боевых машин, а также дословно — через выбранные авторами способы репрезентации. В первичных текстах, проанализированных в данном исследовании, можно заметить широкий спектр стилистических и лексикографических моделей. Я считаю, что, перечитывая ранние произведения Лу Синя и раннюю китайскую фантастику, а также углубляя понимание того, как наиболее яркие метафоры авторов Четвертого мая уже были распространены в поздней цинской фантастике, мы расширяем наш кругозор в области перехода от литературного письма к просторечному. Таким образом, я надеюсь не только внести вклад в понимание взаимоотношений между наукой и империей в мире китайской литературы начала XX века, но и способствовать развитию взглядов на то, как следует понимать китайское движение за новую культуру в рамках продолжающейся дискуссии о центральной роли просторечной письменности. В то же время ранняя китайская литература позволяет увидеть, как мучительно создавалось это письмо, как авторы, получившие

образование по экзаменационной системе, пытались выразить себя в новом и развивающемся литературном стиле. Наконец, данное исследование вносит вклад в понимание НФ как глобального информационного явления.

Я не рассматриваю возникающие дискурсы, через которые китайские интеллигенты и в конечном счете читатели воспринимали науку и технологии в слишком упрощенных терминах раздражителя и реакции. Важным аспектом состояния колониальной современности было то, насколько эти отношения представляли собой петлю обратной связи, состоящую из усиливающих друг друга условий. Колониальные усилия Европы были возможны благодаря ограниченному набору научно-технических преимуществ, становившихся все более значимыми в результате материальных и интеллектуальных выгод, которые давали колониальные владения. В плане территории и финансов владение и захват новых земель, рабочей силы и капитала позволяли продолжать колониальную экспансию. В интеллектуальном плане это одновременно обуславливало необходимость создания новых сетей и научных открытий и вместе с тем способствовало этому развитию. В сфере литературы образ таких территориальных владений и сетей научных открытий привел к появлению новых жанров, таких как научная фантастика и приключенческий роман, через которые у жителей метрополии нагнеталось и порождалось стремление к экспансии. В Китае кризис самосознания усугублялся повсеместным пониманием того, что и внутренние культурные недостатки были в равной степени причиной неспособности противостоять иностранной агрессии в виде полуколониального порабощения. Поглощающее чувство национальной опасности катализировало ощущение, что единственный способ преодолеть иностранное вторжение — это взять на вооружение дискурсивные и материальные приемы врага, а также осознание того, что это означает соучастие в имперском проекте. Другими словами, центральным вопросом данного исследования и авторов ранней китайской НФ был вопрос о том, можно ли использовать западную науку и НФ для того, чтобы повернуть ножи империи против их владельцев, и какие при этом возникают проблемы.

Кэсюэ сяошо

В появлении научной фантастики в Китае необычно то, что, хотя сам жанр зародился как западный импорт в результате трансляции⁶, в китайских изданиях термин «научная фантастика» (кэсюэ сяошо) появился как литературная жанровая категория, связанная с конкретными рассказами (ок. 1904), *даже раньше, чем в англоязычной прессе*⁷. В Китае термин кэсюэ сяошо впервые использовали для обозначения художественного произведения в оглавлении журнала Лян Цичао⁸ «Синь сяошо» («Новый роман»), который начал выходить в Японии в ноябре 1902 года. Как и большинство жанровых обозначений, этот термин был не

⁶ Распространенная практика перевода, при которой один читатель переводил текст на устный китайский, затем другой человек переписывал его на литературный китайский, после чего часто третий переводил его на разговорный язык. Она породила адаптации, где формат, повествование и иероглифы подстраивались под местное население. Линь Циньнань (1852–1924), например, перевел этим методом более 170 произведений американской и европейской художественной литературы [Ye Yonglie 1999: 6; Cheng 2009: 10].

⁷ Г. Вестфал отмечает: «Критики всех направлений могут признать, что [Х. Гернсбэк] — первый человек, создавший что-то, напоминающее историю НФ. Некоторые критики и до него обсуждали более ранние работы, которые теперь относят к НФ, но они не рассматривали ее как отдельную категорию и не отличали ее тексты от других форм фантастики, не основанных на реальности» [Westfahl 1992: 40].

⁸ Лян Цичао (1873–1929) родился в скромной семье, в 1884 году сдал провинциальные экзамены первой степени *сюцай*, а в 1889 году — экзамены второй степени *цзюйжэнь*. В 1890 году, провалив экзамен высшей степени, он стал последователем реформатора Кан Ювэя и начал активно продвигать институциональные реформы и модернизацию образования. В 1898 году, после жестокого подавления Ста дней реформ, Лян бежал в Японию. Именно там он основал журналы «Синь сяошо» («Новый роман») и «Синьминь цунбао» («Новый гражданин»). Лян переводил НФ, а в собственном романе «Синь Чжунго вэйлай цзи» («Будущее нового Китая», 1902) описал утопическое видение пути Китая к политическим реформам. Книга Тан Сяобина «Глобальное пространство и националистический дискурс современности. Историческое мышление Лян Цичао» («Global Space and the Nationalist Discourse of Modernity: The Historical Thinking of Liang Qichao», 1996) — превосходная интеллектуальная биография. На китайском языке см. [Ding, Zhao 1983].

столько таксономически выведенной категорией, сколько ярлыком маркетингового удобства для зарождающейся городской издательской индустрии, и он во многом пересекался с другими жанрами, особенно с фантастикой, повествованиями о путешествиях и футуристическими утопиями. За исключением некоторых оговорок, научная фантастика, пожалуй, стала конкретной издательской категорией в Китае раньше, чем на Западе, даже несмотря на то, что в ней преобладали переводы западных произведений⁹. Сам термин — это сочетание двух неологизмов, пришедших из Японии. *Кэсюэ* (яп. *кагаку*) постепенно вытеснил термин *гэчжи* — «исследование вещей и расширение знаний» — как китайский эквивалент науки, вместе со сдвигом от неоконфуцианского позитивизма к категориальным и экспериментально проверяемым данным в основе знаний о материальном мире. В то же время прозаическая категория *сяошо* (художественная литература) стала вытеснять поэзию в качестве основного письменного способа социальной и политической критики. Так, перевод термина «научная фантастика» на китайский язык — *кэсюэ сяошо* — иллюстрирует два основных события китайской интеллектуальной истории XX века: внедрение западной науки и рост значения романа.

Другие журналы вскоре последовали этому примеру и стали использовать *кэсюэ сяошо* в качестве жанрового обозначения,

⁹ Английский термин «научная фантастика» («science fiction») появился в литературе еще в 1851 году, но вошел в обиход он только в конце 1920-х — начале 1930-х годов. Впоследствии его использовали, чтобы определить жанровые категории старых художественных произведений, в дискуссиях фанатов и для продвижения рассказов в современных изданиях. Этот термин существовал наряду с такими жанровыми терминами, как «science fantasy», «scientific fantasy», «scientifantasy», «scientific romance», «scientifiction» и др. [Prucher 2007: 170–180; Clute, Nicholls 1993: 311–314]. Д. Д. Ван переводит этот термин как «научное фэнтези» («science fantasy») [Wang D. D. 1997: 253–255]. В словаре НФ определяется как «художественная литература, основанная на предполагаемых научных открытиях или впечатляющих изменениях окружающей среды, часто происходящих в будущем или на других планетах и связанных с путешествиями в пространстве или во времени» (Оксфордский словарь английского языка. URL: <http://www.oed.com/view/Entry/172674> (дата обращения: 05.04.2024)).

которое появлялось рядом с названием рассказа в заголовках и на первых страницах популярных журналов. К произведениям этого жанра первоначально относились переводы и адаптации англоязычных произведений, часто основанные на японских переводах оригинальных текстов, такие как приключенческие рассказы Ж. Верна или роман К. Фламариона «Конец мира» (1893; перевод «*Шипце можи цзи*», 1903). В рамках более широкой прозаической категории *сяошо* в период поздней Цин произошел настоящий взрыв жанровых обозначений, и все они несли в себе явную приверженность делу народного просвещения и национального обновления. В статье, опубликованной в журнале «*Синьминь цунбао*» («Новый гражданин»), Лян перечислил десять жанров прозы: историческая (*лиши сяошо*); политическая (*чжэн-чжи сяошо*); философско-научная (*чжэли кэсюэ сяошо*); военная (*цзюньши сяошо*); приключенческая (*маоянь сяошо*); детективная (*таньчжэнь сяошо*); любовная (*сецин сяошо*); фантастические рассказы (*юйгуай сяошо*); дневники (*чжацзити сяошо*); рассказы о необычном (*чуаньцзити сяошо*) [Wu Xianya 2006: 43]. Особенно вдохновлял Ляна политический роман, который, по его мнению, был движущей силой модернизации и политической стойкости таких стран, как США, Великобритания, Германия, Франция, Австрия, Италия и Япония, так как литература способна возвысить читателя до уровня персонажей, о которых он читает [Lee 2002: 146–147]. При публикации в журналах, например в «*Юэюэ сяошо*» («Ежемесячные рассказы»), к названиям прилагался и ряд других жанровых ярлыков, в том числе нигилистические рассказы (*сюйу сяошо*), утопические (*лисян сяошо*), философские (*чжэли сяошо*), социальные (*шэхуэй сяошо*), национальные (*гоминь сяошо*), юмористические (*хуацзи сяошо*) и короткие (*дуашь-пянь сяошо*)¹⁰. Какими бы явными ни казались различия этих жанров, в бурной интеллектуальной среде Китая на закате правления династии Цин нарративные и формальные барьеры между ними были гораздо менее четкими.

¹⁰ Эта последняя категория, конечно, относится к длине, а не к содержанию повествования.

Политический кризис поздней Цин

К началу XX века Опиумные войны и первая японо-китайская война положили конец устоявшемуся представлению о Китае как о Срединном царстве, возглавляющем Pax Sinica¹¹, и привели к тому, что наиболее важные в экономическом, социальном и политическом отношении регионы Китая оказались фактически под иностранным господством. Из-за затяжного кризиса политического и эпистемологического сознания последние остатки легитимности вырвались из рук финансово и военно ослабевшего цинского правительства. Китай оказался не в состоянии отразить иностранное вторжение. Конфуцианство, экзаменационная система, традиционные китайские теории политического и социального устройства, само понимание мирового порядка и места Китая в нем оказались пережитком прошлого. Последствия восстания тайпинов (1850–1864) усугубились политическими противоречиями после победы Японии в первой японо-китайской войне (1894–1895). Провал Ста дней реформ (1898), за которыми вскоре последовало Ихэтуаньское восстание (1899–1901), а затем и репарация, которую Китай был вынужден выплатить в качестве наказания, подтвердили предопределенность сочетания политической несостоятельности перед лицом иностранного вторжения. В результате этой череды неудач во внешней и внутренней политике китайская интеллектуальная система вдруг оказалась неуместной и несовместимой с современной глобальной политикой. Потеря доверия к традиционной философии указывала на необходимость изучения концепции и принципов науки, обеспечившей прогресс западных государств [Kwok 1965: 6]. Ощущение опасности было настолько сильным, что губернатор провинции Хунань однажды сказал: «Наша стра-

¹¹ Подробнее о положении Китая в центре азиатской системы и различных вариантах правления в Pax Sinica при смене китайских династий см. [Horner 2009]. Книга Ч. Манна «1493. Открытие Нового Света, созданного Колумбом» («1493: Uncovering the New World Columbus Created») раскрывает взаимосвязь между испанской имперской властью и торговлей между испанскими колониями и Китаем.

на больше не может выжить в этом мире»¹². Вследствие череды кризисов возникла идея, что изучение западных наук решит судьбу Китая как государства [Reardon-Anderson 1991: 9]. Установление республики в 1911 году (за которым вскоре последовала попытка Юань Шикая восстановить монархию) и предъявленное Японией «Двадцать одно требование» в 1915 году еще раз продемонстрировали, что измениться должны не только политическая и материальная системы, но и само китайское общество [Kwok 1965: 8].

Много лет необходимость социальной и политической реорганизации шла рука об руку с парадоксом реформ: по мнению многих, чтобы избежать уничтожения, Китаю пришлось бы провести настолько глубокие и радикальные изменения, что в стране уже не осталось бы ничего от того, к чему стремилась интеллигенция. Отказ от налоговой системы означал потерю Китаем статуса центра азиатского мира и символизировал возникновение нового мирового порядка. Срединное царство внезапно оказалось отодвинуто на периферию, так как новые европейские сети промышленного производства объединились с сетями экономической и военной мощи, породив совершенно новый набор институциональных образований и отношений в глобально изменившемся мире. Кризис реформ в эпоху поздней Цин привел к радикальному изменению устоявшихся подходов к науке и литературе.

Взаимодействие с европейскими науками в конце XIX — начале XX века отличается от периода династии Мин и остальной части поздней династии Цин в двух аспектах. Во-первых, до поражения Цин в Опиумных войнах и в первой японо-китайской войне утверждение, что западные идеи и технологии можно заимствовать, поскольку они все имеют китайское происхождение, было более или менее приемлемым, а западная наука не воспринималась всерьез вплоть до последнего десятилетия XIX века [Wright 1996: 2]. Материальные блага, которые часто принимают за превосходство европейцев в области науки, появились в Китае

¹² Цит. по: [Murthy 2014: 56].

только после промышленной революции. Китайская цивилизация на протяжении почти полутысячелетия переживала период приобщения к иностранной эпистемологии и переосмысления своей традиции. После первой китайско-японской войны стало ясно, что заимствование европейской науки и техники, особенно в области военного вооружения, было абсолютно необходимо, независимо от того, на чем они изначально были основаны. Такое изменение взглядов было вызвано ощущением того, что страна столкнулась с невиданным ранее кризисом и что, несмотря на недоверительное отношение к науке и технике, их внедрение было вопросом жизни и смерти.

Во-вторых, до конца XIX века императорский престол тщательно хранил любые новые знания, привнесенные европейцами. Миссионеры следили за тем, чтобы эта информация оставалась частью театра имперской власти, использовалась в ритуальной демонстрации связи трона и неба; популяризация этих знаний не проводилась, да для этого и не было особой необходимости. В Европе популяризация технических знаний в период европейской промышленной революции произошла в результате материальной потребности в улучшении массового производства — образование стало доступным не само по себе, а благодаря корыстным интересам промышленного капитала. Более того, в Китае популяризация научного знания произошла только после того, как стало очевидно, что без этого невозможно поддерживать национальные и имперские интересы.

Наука и империя

Западная наука проникала в Китай много столетий, часто через миссионеров-иезуитов, которым суждено было стать инструментом политического влияния императорского трона. С конца эпохи Мин математики-иезуиты активно помогали придворным математикам в устранении проблем в метрологии и картографии. Правители династий Мин и Цин быстро отделяли научное от религиозного и умели превращать то, что должно было быть символом папской (христианской) божественной власти, в сим-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru